

СЮЭ ТАО

*Перевод с китайского и вступление Михаила Басманова **

Последняя четверть восьмого — первая четверть девятого века. Правление династии Тан (618—907 гг.), объединившей под своей эгидой многочисленные царства и княжества в единое централизованное государство. Эпоха наивысшего могущества феодального Китая со столицей Чанъань, двухмиллионное население которой, ее роскошные дворцы и парки так поражали воображение иноземных послов и торговых гостей. Вместе с ростом городов, подъемом экономики, расширением связей с заморскими странами процветают наука и культура. Именно эта эпоха вошла в историю Китая как золотой век поэзии, когда творили равновеликие Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи. Их творчество — лишь вершина необозримого айсберга поэзии, в основании которого умещались десятки тысяч произведений, созданных тысячами авторов.

В общественно-политической и культурной жизни Танского Китая со все возрастающей силой пробуждался интерес к древности, к возрождению лучших традиций литературы предшествующих эпох с ее проповедью гуманизма, требованиями правды жизни и прославлением, в противовес религиозному аскетизму, человека и радостей земного бытия.

Шла непрестанная борьба между различными философскими школами, каждая из которых в ходе полемики стремилась подкрепить свою аргументацию ссылками на постулаты мудрецов древности, основоположников даосизма, буддизма, конфуцианства. Все это находило отражение в поэзии, в том числе и в творчестве поэтов, появление которых стало закономерным итогом определенной демократизации общества и ослабления засилия конфуцианцев, видевших единственное назначение женщины в преданном служении мужу и семье и считавших, что «невежество и есть ее достоинство».

С ростом городского населения и развитием городской культуры, в обстановке массового увлечения литературой и сценическим искусством возник своеобразный институт певиц и танцовщиц, так называемых цзинюй, не обремененных семейными узами, близких по своему образу жизни древнегреческим гетерам.

* Сюэ Тао — Стихи (*Перевод с китайского и вступление Михаила Басманова*) // *Иностранная литература*, 1989, № 10, 164–171.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

Ни одно официальное торжество или дружеская пирушка не обходились теперь без цзинюй, призванных ублажать гостей и как бы отвечавших за «художественную часть» увеселительной программы. К числу цзинюй относилась в известной мере и Сюэ Тао.

Родилась Сюэ Тао в 768 (?) г. в Чанъани в сравнительно обеспеченной семье. В раннем детстве обозначились ее разносторонние дарования. Она хорошо рисовала, музицировала, сочиняла стихи. Однажды, а ей было в ту пору восемь лет, отец, указав на растущий над колодцем утун, сымпровизировал: «Старый утун на ветру во дворе Вознесся стволом к облакам...» — и предложил дочери завершить четверостишие. Та без промедления выполнила задание: «На север и юг свои ветви простер. Вороны на них здесь и там».

После назначения главы семьи на новую чиновную должность Сюэ Тао оказалась в провинции Сычуань. Вскоре она лишилась отца, а затем и матери. Предоставленная себе самой, она продолжает писать стихи, твердо решив посвятить свою жизнь служению музам. В семнадцать лет ее поэтическая слава вышла далеко за пределы Сычуани. Имя Сюэ Тао было внесено в список придворных певиц и танцовщиц, она была приближена наместником провинции, который попытался даже выхлопотать для своей избранницы должность секретаря канцелярии.

У Сюэ Тао был гордый и независимый нрав, и она согласилась на роль цзинюй вовсе не потому, что это могло обеспечить более или менее безбедное существование. Нет, ее привлекала возможность целиком отдаться поэтическому творчеству. Вместе с тем поэтесса тяжело переживала положение цзинюй, которых принимали за женщин легкого поведения, недостойных уважения в обществе, не защищенных законом. Порою чувство одиночества и тоски по родному краю захлестывает ее, особенно в дни скитаний по незнакомым местам вслед за своим покровителем или в часы томительных ожиданий его возвращения («Тоскую по родине», «На реке», «Водяной орех на пруду»). Она не может мириться и с тем, что иные смотрят на нее как на вещь, посягают на ее женское достоинство. Прибегая к традиционным приемам намеков и символики, Сюэ Тао выражает свой протест в стихотворении «Пух ивы». В нем за образом ивы легко угадывается она сама, цзинюй, страдающая от бесцеремонных приставаний поклонников.

Сюэ Тао привлекала к себе всеобщее внимание не только красивой внешностью, но и своей эрудицией, проницательным умом, умением поддерживать светскую беседу и состязаться в поэтических экспромтах. Ее дружбы и расположения искали и сановные любители развлечений, и многие известные литераторы.

Они участвовали в литературных диспутах в доме Сюэ Тао, переписывались с ней, посвящали ей стихотворения. Далеко не полный перечень включает имена известных поэтов Бо Цзюйи, Ду Му, Лю Юйси, Чжан Цзи и других. Особенно близкие отношения у Сюэ Тао сложились с прославленным поэтом Юань Чжэнем, что подтверждается рядом стихотворений, в том числе в стихотворном цикле «Десять расставаний». В нем в аллегорической форме, через образы птиц, животных, предметов домашнего обихода выражены чувства беспредельной преданности любимому, боль и упрек покинутой «без всяких на то причин» подруги. Как повествуют источники, прочитав стихи, Юань Чжэнь сильно растрогался и вновь вернул Сюэ Тао свое расположение.

Несмотря на обычные для женской поэзии Китая мотивы неразделенной любви, тоски в разлуке и тягостных ожиданий встречи с любимым, творчество Сюэ Тао жизнеутверждающе. Ей даже не чуждо эпикурейство, противостоящее ханжескому аскетизму блюстителей конфуцианской морали. Всем своим существом поэтесса отстаивает право человека на радости жизни в общении с природой, в дружбе и любви. Мир прекрасен. Она не согласна, например, с художником Ваном, которому «все в черном свете видится» (стихотворение «Пишу об увиденном в горах Хушишань»).

Может быть, поэтому в своих произведениях Сюэ Тао предпочитает живописать природу в пору весеннего цветения. Впрочем, она умеет разглядеть ее красоту во множестве проявлений в разные времена года, в разные часы суток, услышать щебетание птиц, веселые голоса собирающих лотос девушек или звуки флейты, прославляющей доблести героя древности. В ее представлении ничто человеческое не чуждо даже буддийскому монаху, уставшему твердить сутры и сменившему четки на свирель («Слушаю игру монаха на камышовой свирели»). Пусть народившийся месяц еще едва заметен, «но скоро станет он яркой луною...». Вот только в человеческой жизни всегда ли так? — размышляет поэтесса.

Стихотворные миниатюры Сюэ Тао отличаются высоким профессиональным мастерством. В них и глубина мысли, и настроение, и владение техникой стиха. Обилие символики, аллегоричности, реминисценций, возможно, несколько затрудняют глубинное прочтение для тех, кто недостаточно знаком с историей, культурой, мифологией Китая, наконец, миропониманием китайцев столь далекой от нас эпохи. И все-таки можно надеяться, что преисполненные искреннего чувства стихи Сюэ Тао вызовут сопереживание у любого читателя.

Весною смотрю вдаль

1

В свой час цветы расцветают —
От нас не зависит это.
В свой час цветы отцветают,
Сколько б ни сетовал ты...
Где он, о ком я тоскую
С рассвета и до рассвета,
Когда цветы расцветают
И отцветают цветы?

2

В знак тесных уз навеки
Венок из цветов сплетаю,
Близкому другу хочу я
В дар отослать венок.
Вешняя грусть без меры
Душу мою терзает...
Тут еще вешней птички
Жалостный голосок!

3

Гнутся цветы под ветром.
Солнце клонится к закату.
Час долгожданной встречи
Все еще так далек!..
Милый, как ни ждала я,
В срок не вернулся обратно.
Я понапрасну сплетала
Уз нерушимых венков!

4

Вынести разве можно
Пышное это цветенье
Тем, кто изведал разлуку,
В мыслях один о другом!
Встала и, в зеркало глядя,
Плачу я в эти мгновенья...
Знает ли только ветер,
Вешний ветер ¹ о том?

¹ Подразумевается возлюбленный. (Здесь и далее прим. перев.)

Тоскую по родине

Извивается быстрый поток,
Что течет у подножья Эмэй ¹.
Жаль себя: так не хочется мне
Здесь причаливать лодку свою!
В день какой, покидая Цзиньпу,
Я рассталась с отчиной моей?..
Молча слушаю всплески весла
И звенящую мерно струю.

На реке

Так внезапно обратно погнал
Ветер западный пару гусей ².
В этом мире и душу и плоть
В равной мере невзгоды гнетут...
Если бы не надежда узнать
Из посланья подробности все,
То зачем бы спешить мне к Цинцзян ³,
Каждый вечер ждать весточки тут!

Водяной орех на пруду

Сплелся с водорослями на пруду,
С ними плавает вместе орех.
Ива тонкая ветви свои
Уронила в прозрачный поток...
И когда я в истоке ручья
удостоюсь желанных утех?
Собираю ореха цветы,
Направляя по кругу челнок.

¹ Гора в провинции Сычуань.

² Дикае гуси символизируют вестника.

³ Название реки в Сычуани.

*Башня над рекой
залита светом луны*

Осенний ветер над рекой Уцзян
Затих, похоже. Стало холодней.
И чайки с цаплями без усталости снуют,
В лучах заката блики на воде.
Сторожевая башня замерла,
Взметнулась в небо радуга над ней.
От зорких взглядов башенных бойниц
Рыбачьей лодке разве скрыться где!..
Яньаньскому мальчонке все равно —
Смеется озорно, в ладоши бьет...
А господин в своих мечтах давно
Уже на живописный юг плывет.

Пух ивы

Во второй месяц пух облетел.
Ива вновь приуныла чуть-чуть ¹.
Вешний ветер к земле ее гнет
И срывает одежды с нее.
Нет ни капельки жалости к ней —
Такова ветра вешнего суть.
Он то с севера налетит,
А то с юга вдруг пристаёт.

Западный утес

Опершись на перила, стою.
Богоравный все видится мне ²:
На ветру с полной чашей вина
В знак прощанья воздета рука.
Шум дождя понемногу затих,
И мой гость ускакал на коне...
Солнце скрылось. В сгустившейся тьме
Только треск неумолчный цикад.

¹ Ива с ее нежными ветвями олицетворяет в древней китайской поэзии женщину.

² «Богоравный все видится мне...» — за этим традиционным образом виделся странствующий, ушедший от мира незаурядный ученый (философ, поэт). Здесь, возможно, намек на знаменитого поэта Ли Бо.

*Пишу об увиденном
в горах Хушишань*

Пейзажи Вана ¹, думается мне,
В себе одну и ту же мысль таят:
Все в черном свете видится ему,
Все сущее — и прах и суета...
Сегодня оказалась я в горах,
На их вершины устремляю взгляд.
Как на венце лазурном жемчуга,
Они сверкают ярко здесь и там.

На лодке собираю лотос

Ветер лотосы долу гнет.
Всюду лотосы без числа.
Это — осени близкой знак.
Вновь пора улова пришла.
Как стремительно время летит!..
Затишают вдали голоса.
Но вот девушки на реке
Песнь заводят под всплески весла.

Кумирня Чжуланмяо ²

Чжуланмяо кумирня видна.
Много старых деревьев вокруг.
Скрылось солнце. В закатных лучах
Горы стали еще зеленей.
Из деревни, что над рекой,
Звуки флейты слышались вдруг.
И замолкли. То песнь была.
Лана доблести славились в ней.

¹ Имеется в виду Ван Цзай, художник Танской эпохи.

² Кумирня (храм) Чжуланмяо находится в Сычуани. Была построена в память о князе Чжу-лане, оказавшем героическое сопротивление войскам императора У-ди (140 — 87 гг. до н.э.).

Слушаю игру монаха на камышовой свирели

На рассвете цикада кричит,
На закате иволги стон.
И весь день — бормотанье молитв,
Бусы четок мелькают в руках.
Но закончено чтение сутр —
И забыт за свирелью канон...
Звуки гонга в осенней тиши
Наплывают издалека.

Ручей Хайтанов

Дивным видом вечерней зари
Насладиться весна зовет.
Стаи рыбок сверкают в ручье,
И цветы повсюду пестрят...
Только в мире людей никто
И не помнит природы красот.
Все друг друга спешат превзойти,
Состязаясь, чей ярче наряд

Месяц

Месяц, на серп похожий,
В небе повис надо мною.
Словно на веере старом
Ханьского мастера знак ¹.
Виден едва. Но скоро
Станет он яркой луною...
А в человеческой жизни
Разве случается так?

¹ Имеется в виду рисунок, возможно иероглиф, художника Ханьской эпохи (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.).

*Цветы мандаринки*¹

Запах цветов душистых,
Вьющихся по ступеням.
То расцвели мандаринки —
По два на стебле цветка.
Им бы все красоваться
Этой порой весенней,
Осень грядущая с ветром
Их не волнует пока!

Цикады

Травы омылись росой.
Где-то цикады все спорят.
Ветер повеял. И шорох
Листьев засохших слышной.
Разные звуки смешались
В стройном едином хоре,
Пусть и рождаются розно,
Каждый на ветке своей.

Из цикла «Десять расставаний»

Собака расстаётся с хозяином

В знатном доме почти пять лет
Свою службу исправно несла.
Хорошо знала дело свое,
И хозяин собаку жалел.
Вдруг, без всяких на то причин,
Расползлась о ней злая молва...
Нити красной не обрела²,
Быть одной — ее горький удел!

¹ Цветы мандаринки растут попарно, напоминают крылья уток-мандаринок в полете; пара этих уток символизирует супружескую чету.

² Красная нить — символ брачных уз.

*Кисть для письма
расстается с рукой*

Эту кисть из Юэ и Сюань ¹
Оценить не находится слов.
На отменной бумаге рука
Только ею творила цветы.
Но всему в мире жребий один —
Износиться от долгих трудов...
Жаль, в своем мастерстве не смогла
Вознестись до Сичжи высоты! ²

Лошадь расстается с конюшней

Уши белые. Рыжая масть.
А копыта блестят, как опал.
Мчалась ветра быстрее с утра
То на запад, то на восток.
Но однажды в испуге она
Вбок метнулась — и всадник упал...
Не дожидаться теперь седока!
В ее ржанье и боль и упрек.

Ласточка расстается с гнездом

Улетала, чтобы вновь прилететь —
Знатный дом забыть нелегко.
Слова нежности и любви
Говорил ей хозяин тогда.
Под стреху она в клюве несла
И кораллы, и глину с песком...
Только так и не довелось
Под стрехою слепить гнезда!

¹ «Кисть из Юэ и Сюань» — букв.: ручка из Юэ, волос из Сюань, то есть из разных местностей.

² Ван Сичжи — знаменитый каллиграф в годы правления династии Восточная Цзинь (317 — 420 гг.).

Рыбка расстаётся с прудом

Не одну она осень жила
В царстве лотоса на пруду.
И, резвясь, красным хвостиком там
Все крючок норовила задеть.
Не ждала, что без всяких причин
Ей средь лотоса жить не дадут...
Не придется ей плавать теперь
Беззаботно в прозрачной воде!

Зеркало расстаётся с туалетным столиком

Словно зеркало, ярко блестит,
Золотого оно литья¹ —
Народилась недавно луна,
Проплывает в небе ночном.
А насквозь пропыленному здесь,
В суете сует бытия,
Столик яшмовый не занять,
Не вернуться в блистательный дом!

Об авторах

БАСМАНОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ (род. в 1918 г.) — советский поэт и переводчик. В его переводах с китайского изданы книги: Синь Цицзы «Стихи» (1962), Ли Цинчжао «Строфы из граненой яшмы» (1970), «Цветет мэйхуа: Классическая поэзия Китая в жанре цы» (1979), «Строки любви и печали: Поэтессы Китая X—XIX вв.» (1986), «Голос яшмовой флейты: Классическая поэзия Китая» (1988). Переводы М. Басманова и его статьи неоднократно печатались в антологиях китайской поэзии, на страницах «Иностранной литературы» и других изданий.

¹ В Древнем Китае зеркала изготовлялись, в частности, из металла.